

8(0)Р

Т 81

Р 106536

ПАМЯТИ

ПОЭТА-ВОЛОГЖАНИНА

К. Н. БАТЮШКОВА.

По поводу чествованія столѣтней годовщины со дня рожденія поэта въ 1887 году въ Вологдѣ.

СОСТАВЛЕНО

преподавателемъ Волгодской гимназіи

В. И. Тузовымъ.

ВОЛОГДА.

Типографія Вологодскаго Губернскаго Правленія.

1892.

ПАМЯТИ

ПОЭТА ВОЛОГЖАНИНА

К. Н. БАТЮШКОВА.

По поводу чествованія столѣтней годовщины со дня рожденія поэта въ 1887 году въ Вологдѣ

СОСТАВЛЕНО

преподавателемъ Вологодской гимназіи

В. И. Тузовымъ.

ВОЛОГДА.

Типографія Вологодскаго Губернскаго Правленія.

1892.

106536

Оттиски изъ № 5 Вологод. губери. вѣдом. 1892 г.

Вмѣсто предисловія.

На торжествѣ 18 мая 1887 года, въ залѣ Вологодскаго Дворянскаго Собранія, по поводу столѣтней годовщины со дня рожденія мѣстнаго поэта К. Н. Батюшкова между присутствовавшими лицами и почитателями его таланта возникла прекрасная мысль увѣковѣчить память писателя-согражданина въ потомствѣ учрежденіемъ при классической гимназіи стипендіи его имени, которая давала бы возможность одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи обучаться бесплатно.

Эта мысль, проведенная на собраніи г. Губернскимъ Предводителемъ Дворянства Д. В. Волоцкимъ, была принята всѣми съ полнымъ сочувствіемъ, тогда же была предложена подписка, давшая въ этотъ день довольно значительную сумму сбора (болѣе 200 р.), но для образованія предположенной стипендіи эта сумма, конечно, была далеко недостаточна. Подъ живымъ впечатлѣніемъ всего того, что читалось и говорилось тогда на торжествѣ, всѣмъ казалось, что благотворная мысль близка къ ея осуществленію. Но на дѣлѣ вышло иначе: подписка, по мѣрѣ забвенія достопамятнаго для вологжанъ дня, шла довольно медленно, и только черезъ четыре года явилась возможность открыть при гимназіи названную выше стипендію.

Всѣ хлопоты по сбору пожертвованій на стипендію принадлежать исключительно двумъ лицамъ: Губернскому Предводителю дворянства *Д. В. Волоцкому* и почетному члену общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Вологодской гимназіи *Л. Ѳ. Пантѣеву* (извѣстному Петербургскому книгоиздателю).

Въ концѣ іюля прошлаго года названными лицамъ и

представлена была г. Директору гимназіи собранная на стипендію сумма, которая тогда же и была обращена въ 5⁰/₀ государственныхъ бумаги и внесена на храненіе въ губернское казначейство въ спеціальныя средства гимназіи. Въ началѣ октября того же года г. Директоромъ было сдѣлано представленіе въ Окружное Управленіе объ учрежденіи при Вологодской гимназіи стипендіи имени К. Н. Батюшкова, при чемъ былъ приложенъ и проектъ положенія о стипендіи, а 10 декабря послѣдовало утвержденіе этого положенія (съ нѣкоторыми измѣненіями) Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Такова исторія основанія стипендіи.

Теперь, когда память покойнаго К. Н. Батюшкова уже достаточно упрочена на мѣстѣ его ролины учрежденіемъ при гимназіи стипендіи его имени, не безынтересно будетъ для его согражданъ и почитателей таланта воспроизвести печатно и характеръ юбилейнаго торжества 18 мая 1887 года и все то, что относится къ памяти извѣстнаго въ русской литературѣ поэта-вологжанина.

В. Тузовъ.

I. Описаніе чествованія столѣтней памяти К. Н. Батюшкова въ Вологдѣ. *)

18 мая 1887 года Вологжане торжественно чествовали столѣтнюю память роднаго поэта К. Н. Батюшкова. По составленной ранѣе и опубликованной программѣ чествованіе началось совершеніемъ заупокойныхъ литургій и панихидъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, находящемся въ 5 верстахъ отъ Вологды, гдѣ погребенъ покойный поэтъ и гдѣ воздвигнутъ ему могильный памятникъ, и въ Вологдѣ, въ Всеградской церкви во имя Всемилостиваго Спаса. На литургіи и на панихидѣ, совершенной на могилѣ поэта, присутствовали: Губернскій Предводитель

*) Изъ Русскихъ вѣдомостей за 1887 г. № 141.

дворянства Д. В. Волоцкой и другія лица города, при чемъ возложенъ былъ на памятникъ Константина Николаевича вѣнокъ, присланный родственниками его изъ г. Вильны, и г. Г—скимъ прочтено краткое стихотвореніе.

Къ 11 час. утра, въ Вологдѣ, въ церковь Всемилоствиваго Спаса прибыли на панихиду: пріѣхавшій изъ Петербурга въ Вологду для ревизіи тюремъ и мѣстъ заключенія тайный совѣтникъ М. Н. Галкинъ-Враской, Г. Начальникъ Вологодской губерніи М. Н. Кормилицынъ, Вологодскій Вице-Губернаторъ А. П. Лаппа-Старженецкій, Губернскій Предводитель дворянства Д. В. Волоцкой, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній г. Вологды со своимъ начальствомъ и персоналомъ преподавателей, представители мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій, офицеры и другія лица. Панихида была совершена Преосвященнымъ Израилемъ, Епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, въ сослужевіи почетнаго духовенства города. По окончаніи богослуженія всѣ присутствующіе направились въ залъ Дворянскаго Собранія, гдѣ и состоялось торжественное засѣданіе. По прибытіи Его Преосвященства и высшаго начальства, хоромъ гимназическихъ пѣвчихъ исполнено было: „Днесь благодать св. Духа насъ собра“, и затѣмъ Губернскій Предводитель дворянства Д. В. Волоцкой, взоидя на кафедру, прочелъ составленную имъ біографію покойнаго поэта, гдѣ симпатично обрисовалъ многострадальную личность рано умолкшаго писателя, присоединивъ къ этому и свои личныя воспоминанія о Константинѣ Николаевичѣ. Заканчивая свою рѣчь, г. Волоцкой заявилъ, что будетъ возбуждено ходатайство передъ правительствомъ объ открытіи повсемѣстной по Россіи подписки на сооруженіе памятника К. Н. Батюшкову въ родномъ его городѣ Вологдѣ и что теперь, пока умѣстише всего почтить память покойнаго писателя учрежденіемъ стипендіи имени его при мѣстной гимназій и вносить ежегодно хотя за одного изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ плату за обученіе, на что присутствующіе сочувственно и отозвались.

Вслѣдъ за рѣчью г. Волоцкаго произнесена была преподавателемъ классической гимназiи В. И. Тузовымъ рѣчь объ общемъ значенiи К. Н. Батюшкова въ русской литературѣ, въ которой ясно былъ обрисованъ нравственный образъ поэта, выяснены характерныя черты его писательской дѣятельности и достаточно подробно указаны мотивы его поэтическаго творчества. Послѣ прекрасной рѣчи г. Тузова, бывшiй ученикъ мѣстной гимназiи Ѳ. П. Савиновъ прочелъ свое стихотворенiе, встрѣченное такъ же, какъ и рѣчь его предшественника, громкими и дружными аплодисментами всѣхъ присутствующихъ.

Приводимъ это стихотворенiе:

Памяти К. Н. Батюшкова 1787—1887 гг.

Не долго внимали мы пѣснямъ поэта, —
Разбилъ его лиру до срока Перунъ..
Онъ жилъ еще въ мирѣ, но умеръ для свѣта
И замерли звуки порвавшихся струнъ...
Печальная муза, поникнувъ главою,
Ушла отъ него и остался поэтъ,
Терзаемъ болѣзнию своею роковою,
Влачить рядъ тяжелыхъ безрадостныхъ лѣтъ...
Не много проиѣлъ онъ, но то что проиѣто,
Останется въ памяти русскихъ людей.
И образъ умолкшаго рано поэта
Не скроется въ мракѣ грядущаго дней....
Все то, что лишь въ мысляхъ однѣхъ сокровенныхъ,
Въ туманѣ неясныхъ таилось грезъ,
Онъ передалъ въ пѣсняхъ своихъ вдохновенныхъ,
Стихами пластичными въ жизнь перенесъ..
Художникъ душою, онъ понялъ Торквато,
Былъ близокъ ему авзонiйскiй пѣвецъ;
Воспѣвъ его въ чудныхъ строфахъ, какъ собрата,
Онъ вплелъ свои лавры въ трiумфа вѣнецъ...
Любилъ онъ нашъ сѣверъ, природу родную,

„Свѣтила любезнаго“ сердцу искалъ,
И грусть, и печали, и душу больную
Лишь только въ родимомъ краю врачевалъ ...
Онъ странствовалъ много и часто при жизни,
Отторженный рано отъ дома судьбой,
Но съ юга, прекраснаго юга, къ отчизнѣ,
Къ любимымъ пенатамъ онъ рвался душой;
Какъ Пушкинъ, душою владѣи высокой,
Прекрасные далъ онъ начатки всего,
Что Пушкина геній развилъ такъ широко...
Великій преемникъ сталъ выше его...
При солнечномъ блескѣ луна померкаетъ, —
Но въ Божіемъ мірѣ всему свой чередъ, —
Забвенья себѣ нашъ поэтъ не узнаетъ,
И имя его на Руси не умретъ.

Торжественное собраніе закончилось пѣніемъ русскаго народнаго гимна, при участіи хора военной музыки, послѣ чего присутствующіе стали разѣзжаться.

Вечеромъ, въ тотъ же день, небольшой кружокъ лицъ, пожелавшихъ почтить память покойнаго роднаго поэта дружескою тризной, собрался въ отдѣльномъ кабинетѣ гостиницы „Золотой Якорь“ и здѣсь въ товарищеской бесѣдѣ посвятилъ свое время воспоминаніямъ о личности К. Н. Батюшкова, и его заслугахъ родной литературѣ. Большое оживленіе кружку придавалъ почтенный петербургскій книгоиздатель Л. О. Пантелѣвъ, инициативѣ котораго собственно и обязано это товарищеское частное собраніе въ память рано умолкшаго дѣятеля на нивѣ россійской словесности. За обѣдомъ, между прочими рѣчами и воспоминаніями, преимущественно литературнаго характера, г. Савиновымъ сказанъ былъ экспромптъ, послѣ котораго у присутствующихъ и возникла мысль почтить болѣе существенно память чествуемаго поэта. По предложенію г. Пантелѣва, въ нѣсколько минутъ было собрано 50 руб. на стипендію имени К. Н. Батюшкова.

Поздно вечеромъ разошелся по домамъ этотъ кружокъ

и не сомнѣнно каждый присутствовавшій уносилъ въ душѣ пріятное впечатлѣніе дружеской бесѣды, проведенной не въ разсужденіяхъ о мелкихъ житейскихъ интересахъ, а въ теплыхъ воспоминаніяхъ о личности поэта, также какъ и Пушкинъ, до времени умолкнуго и ушедшаго въ могилу, но сказавъ своего послѣдняго слова. Заканчивая свою замѣтку и принимая во вниманіе торжественность и симпатичность празднованія столѣтней памяти поэта въ Вологдѣ, его родинѣ считаемъ уместнымъ повторить слова П. Сорокина, сказанныя еще въ 1855 году *): „Напрасно ты, знаменитый поэтъ нашъ, отдавая справедливую дань таланту другихъ, но всегдашней своей скромности писалъ В. Пушкину: „Ваши внуки не отыщутъ моего имени въ лексиконѣ славы“. Нѣтъ, имя твое, по общему сознанію заслугъ твоихъ, всегда будетъ украшеніемъ отечественной литературы, а мѣсто родины — городъ твой — навсегда будетъ гордиться тобою. Колыбель и могила знаменитаго Батюшкова тѣсно сольются съ существованіемъ Вологды.“

II. Біографія К. Н. Батюшкова и воспоминанія о немъ Д. В. Волоцкаго.

Сегодня исполнилось ровно 100 лѣтъ со дня рожденія одного изъ великихъ Русскихъ поэтовъ (писателей) Константина Николаевича Батюшкова. Онъ родился въ Вологдѣ 18 мая 1787 года Фамилія Батюшковыхъ одна изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій; отецъ его, послуживъ въ гвардіи, умеръ въ деревенской глуши, въ усадьбѣ своей, въ 1817 году.

Воспитаніе Батюшковъ получилъ въ С.-Петербургскихъ пансіонахъ; прекрасно усвоилъ себѣ языки французскій, итальянскій и нѣмецкій; съ дѣтства проявлялъ большую любознательность; страсть его къ чтенію во многомъ довершила его образованіе. Вліяніе Михаила Никитича Му-

*) Вологод. губерн. вѣд. 1855 г. № 29.

равьева, гдѣ провель онъ первые годы жизни по оставленіи пансіона, и жены его Екатерины Ѳедоровны, женщины замѣчательнаго ума, было въ высшей степени благотворно для Батюшкова. Подъ вліяніемъ Муравьева онъ обратился къ занятіямъ классическимъ, усвоилъ латинскій языкъ, прочелъ всѣхъ значительныхъ римскихъ поэтовъ въ подлинникахъ, что и развило въ немъ здравый литературный вкусъ. Въ 1803 году онъ уже вступилъ на литературное поприще; онъ подружился съ Гнѣдичемъ и въ то же время часто встрѣчался съ Державинымъ, Львовымъ, Озеровымъ, Оленинымъ и многими другими литературными дѣятелями того времени. Въ ряду молодыхъ писателей, которые ратовали за новую форму прозы и стиха, Батюшковъ былъ самымъ замѣчательнымъ, самымъ даровитымъ. Но не долго пришлось поэту всецѣло отдать себя литературѣ: въ 1807 году война Россіи противъ Наполеона увлекаетъ поэта въ ряды онолченія. Онъ дѣлается сотеннымъ начальникомъ въ С-Петербургскомъ милиціонномъ баталіонѣ. 24, 25 и 29 мая 1807 года онъ участвуетъ въ битвахъ съ Французами, и въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ тяжело раненъ. Его увезли въ Ригу на излѣченіе; тамъ молодой поэтъ-воинъ выздоравливаетъ и... влюбляется. То была чуть-ли не счастливейшая пора въ жизни Батюшкова, и онъ увѣковѣчилъ это счастливое время нѣсколькими прелестными стихотвореніями и самыми оживленными, вполне художественными письмами къ Н. И. Гнѣдичу.

Въ сентябрѣ 1807 года, К. Н. переведенъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, но вскорѣ тяжкая болѣзнь вновь поражаетъ его. Оленинъ и семья его принимаютъ въ немъ самое сердечное участіе, — и поэтъ выздоравливаетъ. Въ 1808 году онъ сотрудничаетъ въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“. Басню Батюшкова „Пастухъ и Соловей“, появившуюся въ этомъ журналѣ, восторженно привѣтствуетъ Озеровъ: „природа одарила Батюшкова“, пишетъ Озеровъ къ Оленину, всѣми способностями быть великимъ стихо-

творцемъ, и онъ уже смолоду поетъ соловьемъ, котораго старыя пѣвчія птицы въ дубравѣ надъ Инокреномъ заслушиваются и которымъ могутъ восхищаться“. Весной 1808 года, въ рядахъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, поэтъ опять въ походѣ—въ Финляндіи. Величественная и мрачная природа Финляндіи производитъ на него сильное впечатлѣніе. Плодомъ этихъ впечатлѣній является нѣсколько произведеній Батюшкова, сдѣлавшихся классическими въ исторіи русской словесности, предметами изученія для современниковъ и потомковъ. По окончаніи войны, въ 1809 году, Батюшковъ оставляетъ военную службу и лѣтомъ гоститъ у своихъ сестеръ—Новгородской губерніи, въ Череповскомъ уѣздѣ. Сельскаго хозяйства онъ не любилъ и никогда имъ не занимался, а въ деревенской глуши онъ вполне предался своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ. Это время можно считать за полный расцвѣтъ его замѣчательнаго таланта. Боевыя тревоги и волненія любви довершили воспитаніе его поэтическаго дарованія. Батюшковъ нашелъ прекрасныя формы для своихъ разнообразныхъ произведеній, а жизнь дала содержаніе его творчеству. Въ 1810 году онъ сблизился въ Москвѣ съ Василиемъ Львовичемъ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Карамзинымъ и княземъ Вяземскимъ. Они окончательно укрѣпили въ немъ сочувствіе къ новой литературной школѣ. 1810 и 1811 годы Батюшковъ проводитъ—то въ деревнѣ, то въ Москвѣ, много занимается литературой вообще; къ этому же времени относятся между прочимъ шутивно—сатирическія произведенія его, какъ напр.: „Видѣніе на берегахъ Леты“. Всѣ эти произведенія свидѣтельствовали о сильной умственной его дѣятельности. Но вотъ опять война, Наполеонъ „съ двадцать языковъ“, какъ грозная туча идетъ на Россію. Поэтъ нашъ оставляетъ Петербургъ, гдѣ только что поступилъ на службу при Императорской публичной библіотекѣ. Въ 1813 году мы видимъ его вновь въ походѣ, на конѣ, въ званіи адъютанта генераловъ—Бахметева, а потомъ зна-

менитаго Раевского и въ свитѣ трехъ Монарховъ. Батюшковъ въѣзжаетъ 19 марта 1814 года въ покоренный Парижъ. Въ іюль того же года онъ привѣтствуетъ стихами Александра Благословеннаго, по возвращеніи Монарха въ С.-Петербургъ, и участвуетъ въ прелестномъ праздникѣ, данномъ Освободителю Европы Императрицею Марією Ѣеодоровною въ Павловскѣ. Къ этому времени относятъ страсть Батюшкова къ прелестной дѣвицѣ, жившей у Оленина, А. О. Фурманъ, но такъ какъ онъ не встрѣтилъ взаимности, то поборолъ свою страсть. Но душевное волненіе разрѣшилось для него въ началѣ 1815 года сильнымъ нервнымъ разстройствомъ: жизнь была въ опасности, и только нѣжный материнскій уходъ его тетки Муравьевой спасъ поэта отъ смерти. Конецъ 1815 года поэтъ проводитъ въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ снѣ служилъ адъютантомъ генерала Бахметева. Хотя военная служба увлекала Батюшкова въ годовы войны, но въ мирное время она сильно тяготила его и заставляла тосковать по своимъ литературнымъ друзьямъ. Въ началѣ 1816 года онъ окончательно вышелъ въ отставку, пріѣхалъ на житье въ Москву и сильно измѣнился въ характерѣ: слѣдующій 1817 годъ онъ провелъ въ деревнѣ; творчество охватываетъ все его существо. Въ этомъ году онъ написалъ знаменитую свою статью въ прозѣ: „Вечеръ у Кантемира“ и дивную историческую элегію: „Умиращій Тассъ“, которая въ октябрѣ 1817 года и появляется на страницахъ перваго „Собранія стиховъ и прозы“ Батюшкова. (Заслуги поэта въ русской литературѣ признаются всѣми современниками. Прелестный, живой стихъ Батюшкова воспитываетъ, такъ сказать, стихъ Пушкина, и вотъ новое свѣтило, подъ благодатными лучами дарованія Батюшкова, восходитъ на горизонтъ русской поэзіи,—то былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ). Въ 1818 году мы видимъ Батюшкова вновь на службѣ, но на этотъ разъ уже по дипломатической части. Съ помощью друзей своихъ онъ получилъ мѣсто при русской

мисси въ Неаполѣ. Онъ сильно интересуется всѣмъ, что видѣлъ и чувствовалъ въ Италіи. Впечатлѣнія, произведенныя на него Италіей, нахлынули на него со всею своею силой. Но, не смотря на прекрасный климатъ Италіи здоровье Батюшкова разрушалось и онъ писалъ Жуковскому, что „ничто здоровье мое не можетъ исправить“, оно кажется, для меня погубило невозвратно“. Уныніе и скука овладѣли имъ. Занятія не развлекали его. Друзья, искренно любившіе Батюшкова и высоко цѣнившіе его талантъ, старались ободрить его. Вотъ что писалъ безсмертный Карамзинъ къ своему пылкому почитателю и даровитому поэту: „Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя любезнаго въ любезныхъ: оно есть душа души, свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами-ли, прозою-ль, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно. Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье, что оно уже цвѣтетъ и плодомъ будетъ милое дитя, съ вѣнкомъ лавровымъ для родителя: поэма, какой не бывало на святой Руси! Такъ-ли мой добрый поэтъ? Говорю съ улыбкой, но безъ шутки. Сохрани васъ Богъ еще хвалить лѣтъ, хотя бы и прекрасными стихами! Напишите мнѣ Батюшкова, чтобъ я видѣлъ его, какъ въ зеркалѣ, со всѣми природными красотами души его, въ цѣломъ, не въ отрывкахъ, чтобъ потомство узнало васъ, какъ я васъ знаю и полюбило насъ, какъ я васъ люблю. Въ такомъ случаѣ соглашаюсь долго, долго ждать отвѣта на это письмо. Спрошу: что дѣлаетъ Батюшковъ? Зачѣмъ не пишеть ко мнѣ изъ Неаполя? и если невидимый геній шепчетъ мнѣ на ухо: Батюшковъ трудится надъ чѣмъ-то безсмертнымъ, то скажу: пусть его молчитъ съ друзьями, лишь-бы говорилъ съ вѣками!“

Между тѣмъ здоровье Батюшкова видимо разрушалось, и друзьямъ своимъ онъ писалъ, что климатъ Неаполя не очень благосклоненъ къ тѣмъ, которые страдаютъ нервами. Раздражительность, недовѣріе къ людямъ, черныя мысли,

какъ винтомъ, винтятъ мозгъ страдальца, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью. Къ тому же одиночество еще болѣе увеличивало его раздражительность, и ипохондрія его въ это время усилилась. 10 января 1820 года Батюшковъ написалъ послѣднее въ свѣтломъ разсудкѣ письмо къ дному изъ своихъ пріятелей Александру Ивановичу Тургеневу, письмо, въ которомъ сказывался еще живой, увлекающійся и живо интересующійся литературой и дорожившій своими друзьями поэтъ. Въ маѣ 1821 года онъ рѣшился оставить Италію и возвратился на родину. Дорогой онъ остановился въ Теплицѣ, гдѣ лѣчилъ минеральными ваннами, которыя оказались для него вредными, нервная система его совсѣмъ ослабла, и довольно было малѣйшаго нравственнаго толчка, чтобы умъ его окончательно помутился. Такимъ толчкомъ явились, въ сущности ничтожныя, литературныя вѣсти изъ Россіи; здоровый человекъ бы ихъ съ шуткою, но Батюшкова онѣ доканали. Поврежденіе умственныхъ способностей Батюшкова сдѣлалось для всѣхъ уже ясно. Въ 1821 г. имъ овладѣла постоянная ипохондрія: людей онъ удалялся. раздражительность сдѣлалась чрезвычайною. Въ этомъ состояніи духа онъ уничтожилъ все, имъ написанное въ Неаполѣ, и совершенно отказался отъ литературной дѣятельности. Мысль о преслѣдованіи со стороны какихъ-то тайныхъ враговъ, вполне господствовала надъ поврежденнымъ умомъ несчастнаго поэта. Зиму съ 1821 на 1822 г. Батюшковъ провелъ въ Дрезденѣ. Правительство вслѣдствіе ходатайства друзей Батюшкова, обезпечило средства къ жизни страдальца. Близкіе его все еще не отказывались отъ надежды на его излѣченіе, возили его въ Крымъ, гдѣ въ припадкахъ душевнаго недуга, онъ 3 раза посягалъ на свою жизнь; возили въ С.-Петербургъ — къ психіатрамъ, во ничто не облегчало его положенія. Затѣмъ друзья его поселили его въ Москвѣ, подъ заботливое попеченіе Е. Ѳ. Муравьевой. Въ 1829 г. его сестра А. Н. Батюшкова заболѣла тѣмъ

же душевнымъ недугомъ, какъ и братъ. Въ 1833 г. поэтъ-страдалецъ привезенъ въ Вологду, въ домъ своего племянника Г. А. Гревениць, у котораго и прожилъ болѣе 20 лѣтъ.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ скончался въ Вологдѣ въ 5 час. пополудни 7 іюня 1855 года, отъ тифозной горячки Прахъ его погребенъ въ Спасопрелудскомъ монастырѣ въ 5 вер. отъ г. Вологды.

Многіе изъ старожиловъ г. Вологды помнятъ незабвеннаго Константина Николаевича. Живъ еще и докторъ, долго лечившій его въ послѣднее время его жизни И я, только въ качествѣ Вологодскаго старожила, позволилъ собѣ сказать о немъ нѣсколько словъ и изъ разныхъ источниковъ собрать его біографію, чтобы сколько нибудь напомнить о немъ Вологжанамъ, тѣмъ болѣе, что живо помню эту симпатичную, страдальческую личность, съ которой не разъ мнѣ случалось говорить въ тяжелое для Россіи время, именно весною 1855 г., когда созвано было государственное ополченіе. Помню, что я иногда садился подлѣ него на скамейкѣ, на нашемъ тѣнистомъ бульварѣ и бесѣдовалъ съ нимъ, хотя съ грустію видѣлъ, что иппохондрія сдѣлала свое дѣло, и что первы несчастнаго сильно потрясены. Въ это время ополченцы учились ружейнымъ приѣмамъ на лугу у бульвара, и при звукѣ оружія, я замѣчалъ, какъ глаза его оживлялись и онъ какъ будто понималъ, что вотъ вновь настало тяжелое для Россіи время.

Въ это время, какъ сказано выше, Батюшковъ жилъ въ домѣ племянника своего Григорія Абрамовича Гревениць и былъ окруженъ заботами всего его семейства. Домъ, въ которомъ тогда жилъ поэтъ, принадлежитъ теперь Вологодской женской гимназіи, и теперь еще показываютъ окно, у котораго онъ часто стоялъ въ своей любимой позѣ, скрестивъ руки на груди, и смотрѣлъ на соборъ и кремлевскую соборную стѣну. Иногда онъ принимался рисовать, но темы его ландшафтовъ были почти всегда однѣ и тѣ-же: конь, привязанный къ колодцу,

луна, цвѣты, дерево, чаще ель, иногда церковь, иногда могильный крестъ Ландшафты эти дарилъ дѣтвмъ, кого особенно любилъ, всего чаще дѣтямъ. Одна изъ такихъ картинокъ, нарисованныхъ когда-то Батюшковымъ, сохранилась случайно въ семействѣ уважаемаго протоіерея о. Всеволода Писарева, по смерти котораго сынъ его Андрей Всеволодовичъ Писаревъ обѣщаль мнѣ передать ее для постановки въ той комнатѣ зданія женской гимназіи, гдѣ поэтъ любилъ стоять у окна. Конецъ его былъ тихъ и снокоенъ. Въ послѣдніе часы его жизни племянникъ его Г. А. Гревеницъ сталъ убѣждать его прибѣгнуть къ утѣшенію вѣры. Выслушавъ его слова, К. Н. крѣпко пожалъ ему руку и благоговѣнно перекрестился три раза. Вскорѣ послѣ этого К. Н. уснулъ сномъ праведника. На дняхъ я получилъ письмо отъ племянницы его Елисаветы Петровны Гревенсъ изъ г. Вильно, а вчера съ почты получилъ большой металлическій вѣнокъ, прекрасной работы, который по ея желанію и возложилъ сего дня на могилу поэта въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ. Заупокойныя обѣдни, торжественныя панихиды и настоящее собраніе наше здѣсь, въ этомъ домѣ, въ столѣтній юбилей дня рожденія поэта, ясно показываютъ, что Вологжане не забыли Батюшкова.

Миръ праху твоему, нашъ доблестный, родной поэтъ и воинъ!

Но вотъ что, господа! Многіе выражали мнѣ желаніе открыть подписку на памятникъ поэту. Эта мысль давно уже была въ Вологдѣ, а потому я просилъ бы, въ виду столѣтняго юбилея Батюшкова, заслугъ и значенія его въ русской литературѣ, ходатайствовать передъ Правительствомъ о разрѣшеніи открыть подписку по всей Россіи на сооруженіе памятника, который, какъ многіе предполагаютъ, приличнѣе всего было-бы поставить здѣсь въ Вологдѣ, передъ зданіемъ Думы, въ Александровскомъ скверѣ. Но это дѣло еще будущаго и мы не знаемъ, когда оно можетъ кончиться; сегодня же, въ сто-

лѣтній юбилей дня рожденія поэта, позвольте господа, открыть подписку хотя на одну стипендію имени Батюшкова, на которую бы могъ обучаться бѣднѣйшій гимназистъ въ Вологодской классической гимназіи. Это было бы, по крайней мѣрѣ, хоть небольшой лентой отъ насъ Вологжанъ на доброе дѣло въ память великаго поэта на мѣстѣ родины его.

Д. Волоцкой.

III. О значеніи К. Н. Батюшкова въ русской литературѣ. В. И. Тузова.

Безъ сомнѣнія, каждому изъ насъ близки и дороги интересы просвѣщенія нашей родины и успѣхи ея въ области науки и искусства; дороги и памятны должны быть и имена сподвижниковъ просвѣщенія — дѣятелей науки и литературы.

И дѣйствительно, мы видимъ, что благодарное потомство, никогда не остается безучастнымъ къ памяти достойныхъ сыновъ родины, которые своими произведеніями развивали въ обществѣ высшія силы ума и благороднѣйшія стремленія сердца человѣческаго, указывая на лучшіе идеалы жизни. Такъ, еще недавно вся образованная Россія, начиная съ центровъ просвѣщенія, до самыхъ глухихъ захолустій и окраинъ, торжественно чествовала пятидесятилѣтній юбилей величайшаго національнаго поэта А. С. Пушкина. Сегодня — день столѣтней годовщины другаго русскаго писателя, предшественника и учителя Пушкина въ поэзіи, К. Н. Батюшкова, родившагося и умершаго въ городѣ Вологдѣ.

По всей вѣроятности, этотъ день также не пройдетъ незамѣченнымъ среди различныхъ ученыхъ и литературныхъ обществъ въ столицахъ, а мы, Вологжане, тѣмъ болѣе не должны забывать своего роднаго и, пожалуй, единственнаго представителя литературы въ первой четверти настоящаго столѣтія. Память о немъ уже дорога потому,

что онъ былъ въ свое время самымъ даровитымъ и просвѣщеннымъ сыномъ нашего отдаленнаго края; симпатичный образъ его еще живо сохраняется въ памяти многихъ здѣшнихъ старожиловъ, знавшихъ поэта весьма близко.

Вологодское общество, принося дань глубокаго уваженія и признательности литературнымъ заслугамъ незабвеннаго Константина Николаевича, почтило память его настоящимъ торжественнымъ собраніемъ, въ лицѣ просвѣщенныхъ своихъ представителей.

Не имѣя возможности говорить что-либо о жизни чествуемаго поэта по недостатку подъ рукою необходимыхъ матеріаловъ, считаю своевременнымъ и умѣстнымъ здѣсь, передъ лицомъ собранія, сгруппировать уже установившіяся въ русской литературѣ мнѣнія о поэзіи Батюшкова и сдѣлать краткій разборъ нѣкоторыхъ его произведеній.

Дѣятельность К. Н. Батюшкова относится къ началу настоящаго столѣтія, когда въ нашей литературѣ господствовалъ романтизмъ, утвержденный Жуковскимъ. Поэзія послѣдняго хотя и оказала несомнѣнную пользу, дѣйствуя преимущественно на нравственную сторону общества и служа средствомъ воспитанію его; но въ то же время она не имѣла, такъ сказать, реальной ночвы: отвлеченность, туманность, неясность составляютъ отличительные признаки романтизма, а стремленіе въ „заоблачный міръ мечтаній“ существенное содержаніе его.

Поэзія Батюшкова по своему характеру совершенно противоположна поэзіи Жуковскаго: нашъ поэтъ и въ окружающей его жизни находитъ много прекраснаго, возвышеннаго, трогательнаго, изображая все это въ ясныхъ, живыхъ образахъ и высоко-художественныхъ картинахъ. Батюшковъ, какъ видно изъ его разсужденія: „ничто о поэтѣ и поэзіи“, въ противоположность своимъ предшественникамъ, смотрѣлъ на поэзію, какъ на дѣло весьма серьезное, требующее „всего человѣка, всей его жизни“,

основнымъ правиломъ которой онъ ставилъ слѣдующій девизъ: „живи, какъ пишешь, и пиши, какъ живешь.“ Первая половина этого изреченія указываетъ на то, что поэтъ долженъ имѣть опредѣленный идеалъ, которому и слѣдуетъ въ своей жизни; вторая — даетъ ионягіе о томъ, что поэзія должна быть вѣрнымъ изображеніемъ всего испытаннаго и пережитаго поэтомъ. Вполнѣ осуществилъ этотъ идеалъ поэта, нашъ гениальный Пушкинъ, обязанный въ этомъ отношеніи своему даровитому предшественнику.

И такъ, первая и главная заслуга Батюшкова для русской поэзіи заключается въ томъ, что онъ далъ ей болѣе реальное направленіе, чѣмъ Жуковскій.

Поэтическія произведенія Батюшкова не многочисленны, но они настолько важны, что даже современные ему критики ставили его на ряду съ Жуковскимъ и очень мѣтко называли его не *вторымъ*, а „*другимъ*“ Жуковскимъ, указывая этимъ, что таланты того и другаго поэта были равны. Любимыми предметами поэзіи Батюшкова были: дружба, любовь, природа и люди, т. е. предметы и чувства, имѣющіе самое близкое отношеніе къ жизни, которые рисуются такъ живо и естественно, въ такихъ сильныхъ поэтическихъ образахъ, что производятъ неотразимое впечатлѣніе и твердо удерживаются въ памяти.

По содержанію своему поэтическія произведенія Батюшкова могутъ быть раздѣлены на *три* отдѣла. Къ *первому* изъ нихъ слѣдуетъ причислить тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ выражаетъ собственныя чувства и впечатлѣнія, испытанныя имъ въ различныя времена его жизни. Лучшія изъ нихъ слѣдующія: „Тѣнь друга“, „Переходъ черезъ Рейнъ“, „На развалинахъ замка въ Швеціи“, „Надежда“ и др. Этотъ отдѣлъ можетъ служить прекрасною характеристикою личности самаго поэта.

Эллегія „*Тѣнь друга*“ ясно изображаетъ состояніе души поэта во время морскаго перѣзда его изъ Англіи въ Стокгольмъ въ 1816 году.

Въ началѣ стихотворенія представлена величественная картина безмятежно-тихой ночи на морѣ. Тишина въ природѣ и спокойствіе на кораблѣ располагають поэта къ мечтательности. Смотри на звѣздное небо, онъ ищетъ взорами „свѣтила любезнаго сѣвера“, которое напоминаетъ ему далекую, но милую родину, а мысль о родинѣ, естественно, вызываетъ въ душѣ его дорогіе сердцу предметы и лица. Между другими воспоминаніями воображеніе поэта рисуегь образъ дорогаго товарища молодости, полковника Петина, убитаго въ сраженіи подъ Лейпцигомъ въ 1813 году. Образъ погибшаго друга такъ живо воскресаетъ въ памяти поэта, что онъ какъ-бы сомнѣвается въ его смерти и говоритъ:

„Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!

Ты-ль это? я вскричалъ, о воинъ, вѣчно милый!

Не я ли надъ твоей безвременной могилой,

При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,

Не я ли съ вѣрными друзьями

Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ

И тѣнь въ небесную отчизу провождалъ,

Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?

Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,

Или протекшее все было сонъ, мечтанье,

Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,

Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?“

Все стихотвореніе проникнуто чувствомъ искренней дружбы къ погибшему товарищу.

Памятникомъ пребыванія Батюшкова въ Парижѣ въ 1814 году служитъ прекрасное стихотвореніе „*Переходъ черезъ Рейнъ*“. Здѣсь поэтъ предается историческимъ воспоминаніямъ о прошлой жизни европейскихъ народовъ, жившихъ на берегахъ Рейна и въ концѣ останавливается на послѣднихъ событіяхъ изъ войны съ Наполеономъ. Рисуя величественную картину войска, собраннаго предъ алтаремъ и приносящаго молитвы Всевышнему о ниспосланиі всеобщаго мира и благоденствія, поэтъ съ особенною

силою выражаетъ патриотическія чувства, волновавшія въ то время душу каждаго:

„И часъ судьбы насталь! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы съ свободой и громами,
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валомъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала...
Стеклись, нагрянули, за честь твоихъ гражданъ,
За честь твердынь и селъ и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло блаженство Россіянъ;
Гдѣ Ангелъ мирный, свѣтозарный,
Для странъ полуночи рождень
И Провидѣнемъ обречень
Царю, отчизнѣ благодарной“.

Элегія „*На развалинахъ замка въ Швеціи*“ (переводъ изъ Маттисона) относится также къ историческимъ воспоминаніямъ изъ жизни прежнихъ обитателей Швеціи дикихъ норманновъ.

По видимымъ обломкамъ старины поэтъ рисуеъ цѣлый рядъ живыхъ и въ высшей степени художественныхъ картинъ изъ жизни прежнихъ воинственныхъ обитателей сѣвера. Картины эти слѣдующія: 1) Старикъ-норманнъ посвящаетъ юнаго сына своего въ рыцари, поручая его покровительству Одена и требуя отъ него клятвы, хранить рыцарскую честь, т. е. или прославиться въ безпощадной битвѣ съ врагами, или пасть со славою. 2) Морской набѣгъ норманновъ на берега Франціи и Англїи, сопровождающійся громомъ оружія, пожарами, смертію и въ концѣ-концовъ добычею и славою героя. 3) Ожиданіе въ замкѣ, гдѣ готовится радостная встрѣча юному побѣдителю, за котораго молится красавица-невѣста. 4) Встрѣча героя при вдохновенныхъ пѣсняхъ

скальдовъ и радостныхъ объятіяхъ родныхъ. 5) Наконецъ, торжественный пиръ.

При описаніи всѣхъ этихъ блестящихъ картинъ поэтъ нѣсколько разъ естественно обращается къ настоящему, которое поражаетъ его рѣзкою противоположностью съ прошедшимъ и даетъ грустный тонъ всему стихотворенію. Грустно видѣть поэту однѣ развалины и могилы на мѣстѣ прежней кипучей жизни; но опъ находитъ утѣшеніе въ томъ, что эти развалины ободряютъ духъ мирныхъ потомковъ воинственныхъ норманновъ и внушаютъ имъ національную гордость; поэта радуетъ мысль, что не разрывается связь прошлаго съ настоящимъ: живущее поколѣніе чтитъ память своихъ знаменитыхъ предковъ:

„Погибли сильные! Но странникъ въ сихъ мѣстахъ
Не тщетно камни вопрошаетъ,
И руны тайныя, останки на скалахъ
Угрюмой древности читаетъ,
Оратай ближнихъ селъ, склонясь на посохъ свой,
Гласить ему: смотри, о сынъ иноплеменный,
Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны:
Почти ихъ прахъ святой!“

Въ стихотвореніи „*Надежда*“ выражены высокія, возвышенныя чувства поэта-христіанина по отношенію къ Богу, который спасалъ его на полѣ брани:

„Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ, и непогоду,
И силу въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатай неизмѣнный?
Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!“

Все даръ его: и краше всѣхъ
Даровъ Надежда лучшей жизни“.

Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ отнести и стихотворныя посланія Батюшкова къ современнымъ ему поэтамъ — Карамзину, Жуковскому, Дашкову, Вяземскому, Гнѣдичу, Пушкину. Посланія эти важны въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, характеризуютъ отношенія нашего поэта къ современникамъ, а съ другой — представляютъ довольно мѣткую характеристику выдающихся писателей начала настоящаго столѣтія. Состоя члономъ „Арзамаса“, т. е. кружка литераторовъ съ новымъ направлевіемъ, противоположнымъ прежнему ложно-классическому, Батюшковъ дружески былъ связанъ со всѣми членами его, которые цѣнили въ немъ любящую душу и доброе сердце. И надо сказать правду, что онъ умѣлъ выбирать друзей: большая часть изъ нихъ прославилась на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности; къ числу ихъ принадлежатъ: поэты — Жуковский, Гнѣдичъ и Пушкинъ, графы Блудовъ и Уваровъ, М. Н. Муравьевъ, бывший Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, у котораго и воспитывался Батюшковъ и др.

Второй отдѣлъ произведеній Батюшкова заключаетъ въ себѣ переводы главнѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ эпохи возрожденія — Петrarки, Ariosto, Tasso и подражанія имъ, какова, на примѣръ, элегія „Умирающій Tasso“ Батюшковъ въ противоположность романтизму Жуковскаго, въ этихъ произведеніяхъ старался воскресить духъ античной поэзіи, которую обожалъ и находилъ ее въ вѣщественныхъ памятникахъ, живя въ Италіи съ 1818 по 1821 г.; въ то же время онъ близко познакомился съ лучшими итальянскими поэтами, отличительными свойствами произведеній которыхъ была осязательная ясность или пластичность изображенія. Наибольшее сочувствіе Батюшковъ питалъ къ Торквато Tasso, которому, по собственнымъ словамъ, „былъ обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни“. Въ элегіи „Умирающій Tasso“ Батюшковъ

представилъ идеальный образъ поэта, находя въ немъ сходство съ самимъ собою по обстоятельствамъ жизни, что и выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,

Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній,

Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!

Увы, съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины,

Всеѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія!“

Въ началѣ этой элегіи — величественная картина приготовленій въ римскомъ капитоліи къ торжественному, хотя и позднему коронованію Тассо; потомъ въ общихъ чертахъ рассказывается жизнь поэта, полная несчастій и несправедливости людей, далѣе передается взглядъ на поэтическое значеніе лучшей поэмы Тассо „Освобожденный Іерусалимъ“; затѣмъ предсмертная бесѣда Тасса съ друзьями, гдѣ поэтъ высказываетъ свою душу, свой взглядъ на поэзію; на прожитую и грядущую жизнь и наконецъ самая смерть поэта и трауръ капитолія. Вся элегія проникнута глубоко искреннимъ чувствомъ любви и уваженія къ памяти пѣвца „Освобожденнаго Іерусалима.“

Къ *третьему* отдѣлу произведеній Батюшкова принадлежатъ мелкія стихотворенія, отличающіяся особеннымъ изяществомъ формы. Сюда относятся: 1) переводы древне классическихъ произведеній, а именно: 3 элегіи Тибулла и 12 шіесъ изъ греческой антологіи, т. е. небольшихъ по содержанію, но изящныхъ по формѣ стихотвореній; 2) переводы изъ французскихъ поэтовъ — Парни и Касти и подражанія имъ; существенное содержаніе этихъ произведеній составляютъ утѣхи и наслажденія въ жизни. Въ легкомъ отдѣлѣ поэзіи Батюшковъ является истиннымъ художникомъ. Гоголь, разбирая произведенія Батюшкова, говоритъ: „вашъ стихъ, начинавшій принимать у Жуковскаго воздушную неопредѣленность, исполнился у Батюшкова той, почти скульптурной, выуклости, какая видна у древнихъ классическихъ поэтовъ.“ Самъ Батюшковъ особенную цѣну придавалъ мелкимъ произведени-

ямъ въ античномъ духѣ, что видно изъ его рѣчи „о вліяніи легкой поэзіи на языкъ“, сказанной въ обществѣ любителей Россійской Словесности въ Москвѣ въ 1816 году. Противопологая этотъ видъ поэзіи эпосѣ, драмѣ, торжественной лирикѣ, краснорѣчію, онъ говоритъ: „въ большихъ родахъ читатель, увлеченный описаніемъ страстей, ослѣпленный живѣйшими красками поэзіи, можетъ забыть недостатки и неровности слога..! Въ легкомъ родѣ поэзіи читатель требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ требуетъ истины въ чувствахъ и сохраненія строжайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ тотчасъ дѣлается строгимъ судьей, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается“ / Дѣйствительно, красота слога, возможное совершенство выраженія, какъ существенная принадлежность легкой поэзіи, отличаютъ всѣ произведенія Батюшкова третьяго отдѣла; онъ тщательно позаботился объ изяществѣ формы и стоитъ у насъ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ современныхъ ему поэтовъ. >

Значить, втораго, не менѣе важнаго заслугою Батюшкова для нашей поэзіи слѣдуетъ признать прекрасную выработку стиля, или говоря его же словами: „стиховъ и мыслей сладостѣasje“. Этою стороною таланта Батюшковъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на развитіе Пушкина, который „въ живой прелести стиховъ своихъ“ превзошелъ учителя. „Уже одной этой заслуги со стороны Батюшкова было достаточно, чтобы имя его произносилось въ исторіи русской литературы съ любовію и уваженіемъ“, говоритъ знаменитый нашъ критикъ В. Г. Бѣлинскій.

Цѣлый томъ сочиненій Батюшкова заключаетъ въ себѣ прозу—философскія разсужденія, критическія статьи объ итальянскихъ поэтахъ, нисѣма русскаго офицера о Финляндіи,—которая имѣетъ важное значеніе стилистическое: но чистотѣ, правильности, благозвучію и образности она и до сихъ поръ, наряду съ прозою Карамзи-

на, считается образцовою, служа прекраснымъ матеріаломъ для учащихся.

Заканчивая свою рѣчь о значеніи Батюшкова въ русской литературѣ, считаю возможнымъ и удобнымъ повторить прекрасную характеристику новѣйшаго біографа Леонида Николаевича Майкова: „въ разработкѣ внѣшней поэтической формы и въ дѣлѣ внутренняго развитія поэтического творчества и, наконецъ, въ отношеніяхъ поэзіи къ обществу, художественная дѣятельность Батюшкова представляетъ счастливые начатки того, что получило полное осуществленіе въ дѣятельности гениальнаго Пушкина, потому что Пушкинъ и призналъ открыто свое духовное родство съ Батюшковымъ Великій преемникъ заговорилъ собой даровитаго предшественника; но Батюшковъ не тожетъ быть забытъ въ исторіи русской художественной словесности. При блескѣ солнца меркнетъ блѣдная луна, но въ Божьемъ мірѣ всему есть свой часъ и свое мѣсто!“

В. Тузовъ.

IV.

Мысль о постановкѣ памятника К. Н. Батюшлову, въ Вологдѣ, возникшая на торжествѣ въ честь поэта 18 мая 1887 года, была предложена г. Губернскимъ Предводителемъ дворянства Д. В. Волоцкимъ вниманію очереднаго Губернскаго Земскаго Собранія (въ февралѣ 1888 г.), къ которому послѣдній обратился съ слѣдующею рѣчью:

Милостивые Государи!

18 мая прошлаго года мы, Вологжане, чествовали память столѣтней годовщины со дня рожденія знаменитаго поэта-согражданина К. Н. Батюшкова, родившагося и умершаго въ городѣ Вологдѣ. Тогда же возникла мысль

увѣковѣчить имя этого писателя въ потомствѣ сооруже-
ніемъ ему памятника, который предположено поставить
въ Александровскомъ скверѣ. Теперь, пользуясь, такъ ска-
зать, благопріятной минутой, я считаю вполне удобнымъ
и своевременнымъ возбудить этотъ вопросъ въ настоя-
щемъ Земскомъ Собраніи.

Представители мѣстнаго самоуправленія, заботясь о
нуждахъ и потребностяхъ своего края, не могутъ также
оставаться равнодушными къ дѣяніямъ и памяти прослав-
ленныхъ людей своей родины. Такимъ именно прослав-
леннымъ по заслугамъ человѣкомъ въ нашемъ отдален-
номъ краѣ и былъ К. Н. Батюшковъ, о которомъ еще
живы воспоминанія среди мѣстныхъ старожиловъ. (Онъ
умеръ въ 1855 году).

Значеніе Батюшкова въ нашей литературѣ хорошо из-
вѣстно каждому, такъ какъ произведенія его, на равнѣ
съ произведеніями другихъ поэтовъ, давно уже сдѣлались
предметомъ школьнаго разбора и изученія; распростра-
няться въ этомъ отношеніи считаю излишнимъ. Скажу крат-
ко, что Батюшковъ въ поэзіи былъ учителемъ Пушкина,
уже однимъ этимъ онъ оказалъ несомнѣнную услугу ли-
тературѣ и имѣетъ, конечно, полное право на вниманіе
и уваженіе со стороны своихъ соотечественниковъ, а тѣмъ
болѣе согражданъ.

Я вполне увѣренъ, что интересы просвѣщенія дороги
каждому изъ насъ; близки и памяты поэтому должны
быть и тѣ люди, которые своими твореніями способство-
вали развитію въ обществѣ высшихъ силъ ума, благород-
нѣйшихъ стремленій человѣческаго сердца и указывали
лучшіе идеалы жизни. Памятники такимъ прославлен-
нымъ людямъ родины вмѣстѣ съ памятниками славы
народной, возбуждая высокія чувства патріотизма,
служатъ выраженіемъ народнаго самосознанія и вмѣстѣ
съ тѣмъ указываютъ на связь прошедшаго съ настоящимъ,
отжившихъ поколѣній съ грядущими. Эта связь, безспор-
но существующая въ жизни всѣхъ народовъ (на что ука-

зываютъ намъ исторія) и служить залогомъ совершенствованія человѣческихъ обществъ на пути прогресса. Честь и слава страны требуютъ отъ потомства признательности и уваженія къ заслугамъ своихъ знаменитыхъ согражданъ. Эта мысль во всѣхъ странахъ Европы давно уже вошла въ сознаніе образованныхъ классовъ общества; подтвержденіемъ ея у насъ въ Россіи служатъ памятники— Ломоносову, Державину, Карамзину, Кольцову, Пушкину, воздвигнутые въ мѣстахъ ихъ родины; въ настоящее время идетъ полписка на памятники Гоголю и Лермонтову. Мнѣ кажется, что и отъ насъ долгъ требуетъ позаботиться о сооруженіи подобнаго же памятника родному нашему поэту К. Н. Батюшкову. Такой памятникъ, поставленный на видномъ мѣстѣ города, будетъ постоянно напоминать каждому Вологжанину, что и среди насъ были достойные люди, заслуги которыхъ цѣнить признательное потомство, а эта мысль способна незамѣтнымъ образомъ укрѣпить въ человѣкѣ сознаніе своихъ гражданскихъ обязанностей и вызвать стремленіе къ полезному и честному труду на благо своей родины

При мысли о значеніи памятниковъ знаменитымъ соотечественникамъ для потомства, мнѣ вспоминаются стихи одного поэта, сказанные въ Москвѣ при открытіи памятника Пушкину въ 1880 году:

„Только тѣ народы процвѣтають
И дѣла великія творять,
Гдѣ дѣянья предковъ уважають
И судомъ потомковъ дорожатъ;
Гдѣ всѣ дѣти матери — отчины
Чувствомъ долга полные однимъ
Въ честь отжившихъ гражданъ правятъ тризны,
Ставя памятники имъ“.

И такъ, предлагая вопросъ о сооруженіи памятника достойному поэту-согражданину, я, кажется, вправѣ рассчитывать, милостивые государи, на ваше полное сочув-

ствіе въ такомъ дѣлѣ, которое касается сознанія общественнаго долга и чести страны.

Д. Волоцкой.

Результатомъ выраженнаго въ рѣчи ходатайства о содѣйствіи со стороны земства при постановкѣ памятника въ Вологдѣ мѣстному поэту было то, что *собраніе*, отнесясь вполнѣ сочувственно къ заявленію Предсѣдателя Собранія, *изъявило полную готовность принять участіе въ сооруженіи памятника К. Н. Батюшкову* и поручило Управѣ выдать изъ остатковъ отъ смѣтныхъ назначеній, или статьи на непредвидѣнныя надобности, на стипендію имени Батюшкова 100 рублей, при Вологодской гимназіи.“ *)

V.

Мысль *объ учрежденіи стипендіи имени К. Н. Батюшкова* при Вологодской классической гимназіи, предложенная на торжественномъ собраніи 18 мая 1887 года г. Губернскимъ Предводителемъ дворянства *Д. В. Волоцкимъ*, была постояннымъ предметомъ заботъ его въ теченіе четырехъ лѣтъ и осуществилась наконецъ въ исходѣ 1891 года: положеніе объ этой стипендіи (помѣщаемое ниже), на основаніи Высочайшаго новелънія 5 декабря 1881 года, утверждено Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Статсъ-Секретаремъ Графомъ Деляновымъ 10 декабря 1891 года.

П О Л О Ж Е Н І Е

о стипендіи имени поэта-вологжанина Константина Николаевича Батюшкова при Вологодской гимназіи.

1) На проценты съ капитала, собраннаго по случаю чествованія въ 1887 году столѣтія годовщины со дня

*) Журналы Вологодскаго Губернскаго Земскаго Собранія третьей очередной сессіи шестаго трехлѣтія. Восемнадцатое засѣданіе 8 февраля 1888 года.

рожденія поэта-вологжанина К. Н. Батюшкова его почитателями, учреждается при Вологодской мужской гимназій стипендія его имени.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5⁰/₀ билетахъ Государственнаго Банка на восемьсотъ пятьдесятъ рублей, хранится въ Вологодскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназій, составляя ея неприкосновенную собственность

3) Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5⁰/₀ государственнаго сбора, обращаются на взносъ платы за ученіе одного изъ недостаточныхъ воспитанниковъ гимназій, обнаруживающаго хорошіе успѣхи въ русскомъ языкѣ и словесности.

4) Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназій.

5) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею во все время ученія въ Вологодской гимназій, но, въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишень ея по постановленію педагогическаго совѣта гимназій. Стипендіату, оставшемуся на второй годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена педагогическимъ совѣтомъ только по особо уважительнымъ причинамъ,

7) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ стипендіальной суммы причисляется къ основному капиталу и по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

8) Если доходъ со стипендіальнаго капитала окажется въ послѣдствіи по какой-либо причинѣ недостаточнымъ для взноса годичной платы за ученіе въ Вологодской гимназій, то недостающую сумму доплачиваетъ стипендіатъ, продолжая пользоваться стипендіею въ прежнемъ размѣрѣ до выbytія изъ гимназій, или до прекращенія таковой

на основаніи § 6 сего положенія. Вслѣдъ за симъ назначеніе стипендіи на время пріостанавливается и доходъ со стипендіальнаго капитала долженъ приобщаться къ сему послѣднему до тѣхъ поръ, пока проценты съ капитала не составятъ суммы, необходимой для взноса годичной платы за ученіе

9) Въ случаѣ преобразования Вологодской мужской гимназіи въ учебное заведеніе другого типа, стипендія переходитъ въ это послѣднее, въ случаѣ же закрытія этой гимназіи, стипендія переходитъ въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній Вологодской губерніи по усмотрѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія.

Подлинное подписали: Директоръ Департамента
Народнаго Просвѣщенія *И. Анчиковъ*.

Дѣлопроизводитель: Князь *Арутинскій-Долгоруковъ*.
